

Город, память, идентичности

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.2
EDN: CPHWOC

Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008–2021 годы)

Ссылка для цитирования:

Москалева С. М. Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008–2021 годы) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 31–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2> EDN: CPHWOC

For citation:

Moskaleva S. M. (2023) Urban studies and practices in the context of Social Transformation of Urban Planning in Russia (2008–2021 years). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 31–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2>

Москалева Светлана Михайловна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: smmoskaleva@gmail.com

Градостроительная деятельность (далее — ГД) представляет особый интерес для социологического анализа. Результатами деятельности архитекторов и градостроителей, согласно М. С. Ларсон, становятся не только материальные, но и культурные, поведенческие, ценностные образцы. В последнее десятилетие профессионалы, городские управленцы, девелоперы столкнулись с новыми вызовами, связанными с улучшением качества городской среды. Запрос на новые подходы в области реновации городских пространств был сформулирован как со стороны профессионалов, представителей гражданских, экспертных сообществ и низовых инициативных групп, так и со стороны городских управленцев (например, в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды»).

В фокусе данной статьи находятся новые идеи и дискурсы, которые появились в сфере градостроительства в 2008–2021 годах и связаны с урбанистикой в профессиональной и общественной дискуссиях. Предлагается их рассмотрение на материалах экспертных интервью с профессионалами, имеющими прикладной опыт в сфере градостроительства. Ключевые аспекты трансформации ГД, выявленные в ходе анализа, включают: 1) маркетинговую

ГД, 2) формирование индивидуалистического дискурса, 3) формирование терапевтического дискурса, 4) коммуникативный поворот в ГД, который показан на примере появления новых методов и методик (соучаствующего проектирования и других, направленных на учет мнений жителей в ходе градостроительного процесса), а также появления новых акторов (блогеров и урбанистов) в урбанистических дискуссиях и проектах.

Ключевые слова: урбанистика; градостроительство; конструктивистский институционализм; анализ дискурсов

Уже не первое десятилетие российские профессионалы, городские управленцы, девелоперы сталкиваются с новыми вызовами, связанными с необходимостью улучшения качества городской среды. Сформировался запрос на новые подходы в области реновации городских пространств, учитывающие средовые особенности постсоветских городов, а также возрастающее значение коммуникации между различными участниками ГД: представителями власти, бизнеса, девелопмента, гражданскими и инициативными группами, жителями территорий и др.

В период с 2008 по 2021 год появились государственные программы и гражданские инициативы в области качества городской среды. Были созданы индексы качества городской среды, собраны базы данных о жилищных условиях населения¹, появился «Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды», разработанный Центром городских компетенций Агентства стратегических инициатив совместно с Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. В разных регионах открылись АНО «Центры компетенций по вопросам формирования комфортной городской среды». Одним из ключевых стал проект по основному направлению стратегического развития РФ «Формирование комфортной городской среды» в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» (2018–2024). Ключевая цель проекта — в «обеспечении комплексного развития современной инфраструктуры на основе единых подходов»². В рамках данного проекта в различных городах проводились голосования среди жителей по выбору территорий для благоустройства, нормой стали семинары по организации «соучаствующего проектирования». За 2021 год во Всероссийском голосовании за объекты благоустройства приняли участие 9,7 млн человек [Цумарова, 2021]. Также были сформированы крупные инвестиционные партнерства между представителями государства и бизнеса в сфере развития городской среды. По данным Минстроя, с 2016 по 2020 год

¹ Жилищные условия // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 17.11.2022).

² Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» // Правительство России. 2016. URL: <http://government.ru/projects/selection/649/25517/> (дата обращения: 17.11.2022).

частные инвестиции в сферу жилищно-коммунального хозяйства выросли на 308 млрд руб.¹

Кроме того, изменения произошли в сфере градостроительной деятельности. До 2008 года «Градостроительство» рассматривалось как архитектурная специализация. В 2008 году в Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС) была включена должность «градостроитель»². Это символизировало новый этап для развития «внеархитектурной» модели в градостроительном образовании [Жеблиенок, 2016]. Впоследствии в 2016 году вышел образовательный стандарт по специализации «Градостроитель».

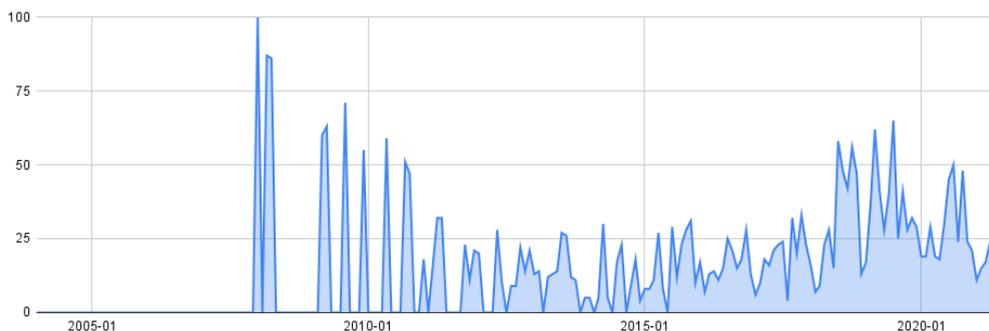
Наряду с этими процессами в сфере ГД распространились новые идеи и дискурсы, которые получили именование «урбанистика». Их характеризуют следующие признаки: ориентация на обсуждение будущего городского развития; ориентация на глобальные тренды в городском развитии, включая идеи движения «нового урбанизма»; междисциплинарный характер проектов для обеспечения комплексного подхода к проектированию городов; использование аналитических инструментов, позволяющих учитывать мнения жителей в градостроительном процессе (процедуры вовлечения и соучаствующего проектирования, социологические и антропологические методы исследований).

Анализ динамики запросов в Google Trends (Рис. 1) показывает, что пик популярности термина «урбанистика» приходится на 2008 год, в котором вышла одноименная книга В. Глазычева [Глазычев, 2008]. Также в этом году произошел мировой финансовый кризис, который, как мы предполагаем, повлиял на формирование запроса на обсуждение будущего России, ее социально-экономического развития и повышения качества жизни населения, а также повысил интерес к проектам локального городского развития. На графике можно заметить еще два пика запросов — в 2009–2011 и в 2018–2020 годах. Первый период соотносится с заметными изменениями системы государственного планирования: появились такие документы, как «Концепция развития» и «Генеральный план города», стали формироваться государственные программы «Доступная среда», «Создание комфортной городской среды», «Безопасные и качественные дороги», «Обеспечение качества жилищно-коммунального хозяйства». Пик в 2018–2020 гг. можно проинтерпретировать развитием федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», включающего «поддержку создания проектов комфортных общественных пространств в малых городах и исторических поселениях, развития комплексного подхода к историческим территориям для сохранения историко-культурного наследия»³.

¹ Информация о привлечении частных инвестиций в сферу жилищно-коммунального хозяйства // Минстрой РФ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/opendata/7707780887-investzhilpol/> (дата обращения: 03.04.2023).

² Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих // Деловое общение. URL: <http://bizlog.ru/eks/eks-5/17.htm> (дата обращения: 17.11.2022).

³ Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» // Минстрой РФ. URL: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 18.09.2023).

Рисунок 1. Динамика запросов по слову «урбанистика» в Google Trends.
 Источник: расчеты и рисунок автора.

В 2020 году пандемия COVID-19 способствовала развитию дискуссии о будущем городского образа жизни в условиях распространения вирусов. В профессиональном сообществе возродилось обсуждение новой концепции территориального планирования и градостроительства, так как современные города не справляются с рисками глобального и регионального масштабов [Кочуров, Ивашкина, 2020: 91]. Данный запрос был также обозначен в «Стратегии развития строительной отрасли и ЖКХ до 2030 года» в 2022 году.

Таким образом, происходящие социально-экономические процессы отражаются на уровне и характере интереса к градостроительной тематике, способствуя появлению новых идей и дискурсов в градостроительной деятельности [Healey, 2020; Innes, 1995; Sehested, 2009]. Цель статьи состоит в поиске и аналитическом описании данных идей и дискурсов с позиции профессионалов в сфере градостроительства.

Концептуализация социальных трансформаций в градостроительной деятельности

Актуальные исследования показывают, как трансформируются роли городских планировщиков и градостроителей под влиянием социально-экономических процессов. Во-первых, планировщику делегируется ответственность за коммуникацию между различными акторами и выявление их потребностей, а не только за планирование города [Sehested, 2009]. Исследователи говорят о коммуникативном повороте в планировании [Healey, 1992], отражающем желание противостоять доминирующему модернистскому дискурсу, который изначально встроен в деятельность и практики городского планирования. Во-вторых, градостроительная сфера меняется в рамках трансформации профессиональных услуг в парадигме нового профессионализма, связанного с концепцией устойчивого развития [Bordass, Leaman, 2013; Connaughton, Meikle, 2013; Duffy, Rabeneck, 2013; Twinn, 2013] и коммодификации знаний профессионалов в сфере архитектуры

и градостроительства, обретения их рыночной стоимости [Duffy, Rabeneck, 2013; Bresnen, 2013].

Данные процессы отражаются и на терминологическом уровне. Так, Хили [Healey, 2020] выделяет следующие различия между терминами «урбанизм» (англ. — *urbanism*) и «градостроительство» (англ. — *town planning*). Градостроительство принадлежит к англо-саксонской традиции, урбанизм — к латинской. Градостроительство рассматривается в рамках отдельной профессии, в то время как урбанизм — широкое понятие, включающее культуру и знания различных профессиональных групп. Третье различие касается плюрализма мнений в рамках этих направлений. Градостроительство претендует на установление монополии на знания профессионала, в то время как урбанизм ориентируется на плюрализм мнений в рамках градостроительной политики. Англо-саксонское градостроительство получает свое развитие в послевоенные годы в контексте строительства новых городов и жилых комплексов, отмечается его ориентация на технократический подход.

По мнению американского социолога М. С. Ларсон, профессиональный дискурс в сфере архитектуры характеризуется *гетерономией* (качеством, противоположным автономии). Этим термином подчеркиваются отношения зависимости профессионалов от желаний клиентов и других специалистов по строительству: «Диалектика дискурса и практики (или автономии и гетерономии) характерна для архитектуры. Она особенно значима при анализе дискурсивных сдвигов» [Larson, 1993: 5]. Дискурсы в исследовании Ларсон связываются с политическими элитами и их желанием контролировать архитектурную и градостроительную деятельность. Гетерономность профессии архитектора делает ее зависимой от вкусов клиентов, экономического капитала, технических возможностей. Клиенты переопределяют архитектурный рынок через системы репутации, проведение архитектурных конкурсов [Larson, 1993]. Существуют также культурные представления о значимости архитектуры, призывающие обращаться к специалистам для создания «красивого» архитектурного объекта, обладающего определенным стилем: «Особенность архитектуры среди искусств и профессий заключается в том, что она вносит свой вклад в культуру не только через дискурс и кодифицированные практики, но и, что особенно важно, через артефакты, которые могут быть одновременно пригодными для использования и красивыми» [Larson, 1993]. Соответственно, задача архитектора не сводится только к проектированию, она включает в себя еще и создание культурных образцов: «Противоречие автономии и гетерономии, присущее архитектуре и ее публичному характеру, придает ей символическое социологическое значение» [Larson, 1993].

Существуют различия в том, какие культурные образцы создают и транслируют архитекторы и градостроители в разных странах и институциональных контекстах. Например, в исследованиях К. Станилова отмечается кризис легитимности профессии градостроителя в постсоциалистических странах в связи с необходимостью пересборки профессиональной культуры, сформированной в условиях директивного управления, когда общественность не рассматривалась как равноправный участник градостроительного процесса [Stanilov,

2007]. В России этот аспект профессиональной трансформации усложняется тем, что а) рыночные институты в области планирования городов находятся в процессе формирования и б) градостроительство до 2008 года рассматривалось государственными институтами узко — как архитектурная специализация, несмотря на то что в круг его задач входят также пространственное развитие и управление. Представляется важным и значимым проанализировать путь развития градостроительной деятельности в России, опираясь прежде всего на мнения профессионалов, которые столкнулись с новыми вызовами и глобальными изменениями в период с 2008 по 2021 год.

Данные и методы

Мы опираемся на авторское исследование, представленное полуструктурированными экспертными интервью (N = 15) с профессионалами, имеющими практический опыт в сфере градостроительства, а также реализующими новые урбанистические проекты в разных городах России. Данные были собраны в 2020–2021 годах. Интерпретация данных осуществлялась в оптике теории конструктивистского институционализма [Schmidt, 2010].

При проведении экспертных интервью важно определить критерии, по которым будут отбираться эксперты [Bogner, Littig, Menz, 2009]. В нашем исследовании эксперт определялся на основе обладания контрибутивной экспертизой [Collins, Evans, 2002] в сфере градостроительства, иными словами, обладал опытом реализации градостроительных проектов. Информантами стали ключевые акторы градостроительства в Санкт-Петербурге и Москве, которые работают в государственных и коммерческих проектах, преподают в университетах, осмысливают процессы становления урбанистики в России и имеют представление об этой области. Среди них — представители Института экономики города, участвующие в разработке Градостроительного кодекса РФ, представитель Комитета по градостроительству и архитектуре в Санкт-Петербурге, преподаватели Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, ИТМО и ГАСУ, сотрудники лаборатории «Лабград», представители консалтинговых компаний в сфере городского развития: «Стрелка», «Урбаника», «MLA+» и др. Выборка формировалась на основе стратегии снежного кома. Выбор информантов из Москвы и Санкт-Петербурга был обусловлен тем, что в этих городах находятся основные институты, связанные с урбанистикой (Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ, Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», направление Urban Studies в МВШСЭН, Институт госслужбы и управления РАНХиГС, Центр городских исследований «Сколково», ГУУ и др.), а ключевые представители градостроительной отрасли из Москвы и Санкт-Петербурга участвуют в проектах по всей России.

Экспертные интервью, собранные в рамках данного исследования, относятся к типу производящих теорию экспертных интервью (англ. — *theory-generating*) в терминологии Богнера и Менца [Bogner, Menz, 2009]. Они позволяют реконструировать социальные интерпретативные паттерны и субъективные

обоснования действий информантов. При работе с данными применялся тематический анализ. К темам, обсуждаемым с экспертами, относились следующие: профессия градостроителя / архитектора / урбаниста: особенности исторического развития и современные проблемы; возможности и ограничения существующего законодательства в градостроительной отрасли; особенности образования градостроителей в СССР и в настоящее время; профессиональные сообщества в сфере градостроительства и архитектуры; особенности влияния рыночных процессов на градостроительную практику в России.

Концептуальная модель исследования основана на идеях последовательной конструктивистского институционализма [Schmidt, 2010]. Этот подход характеризуют следующие признаки: внимание к идеям и дискурсу; идеи и дискурс рассматриваются в определенном институциональном контексте; идеи рассматриваются в «смысловом контексте»; динамичный взгляд на институциональные изменения. Термин «дискурс» в подходе Шмидт «освобождается от постмодернистского багажа и охватывает не только *содержание* идей, но и *интеракционные процессы* передачи этих идей» [Schmidt, 2010: 305]. То есть для исследователя приобретает важность не только идея, но и контекст, в котором она обсуждается, не только структура, но и действие агента. Единицами анализа являются новые идеи и дискурсы, появившиеся в рамках профессиональной деятельности градостроителей в период с 2008 по 2021 год.

Новые идеи и дискурсы в градостроительной деятельности в период с 2008 по 2021 год

Период с 2008 по 2021 год характеризуется глобальными и локальными вызовами для профессионалов в сфере градостроительства. В 2015 году Россией была подписана резолюция ООН, которая включает принципы устойчивого развития городов¹, в том числе улучшение взаимодействия граждан и представителей государственных органов. К локальным вызовам относятся: новый этап в развитии профессиональной деятельности градостроителей, связанный с формированием концепции «комфортного города» [Zupan, Gunko, 2019], изменения в национальной и региональной системе законодательства. Профессионалы в сфере ГД столкнулись с новыми вызовами, порождаемыми законодательными и рыночными изменениями.

Несколькими годами ранее, в 2011 году, вышел новый вариант «Градостроительного Кодекса РФ», ключевым изменением которого стало введение «благоустройства» в область градостроительной деятельности. Как отмечает эксперт,

«...благоустройство у нас было совершенно неприкаянной темой, оно там моталось из законодательства в законодательство. И вот

¹ Цели устойчивого развития: ООН и Россия, 2015. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf> (Дата обращения: 17.11.22).

наконец-таки обрело тихую гавань в виде Градостроительного кодекса. Соответственно, так как это относится к градостроительной деятельности теперь, то да, это добавило задач градостроителям» (юрист в сфере градостроительства, Москва).

В интервью также упоминается появление новых игроков на рынке, реализующих проекты в сфере благоустройства — архитектурных и проектных бюро, деятельность которых связана с вопросами дизайна городской среды и проектирования общественных пространств:

«Появилось большое количество молодых команд, которые выросли на этом рынке, потому что раньше таких заказов городских вообще не было. Теперь они появились» (градостроитель, Санкт-Петербург).

В исследовании Н. Жеблиенок показано, что исторически интерес к урбанистике в контексте градостроительства связан с периодами политических реформ: «в истории России было три общества урбанистов: Общество архитекторов-урбанистов (АРУ) работало в 1930–1936 годах, Общество советских урбанистов (СОУ) (член ISoCaRP — Всемирного общества городских и районных планировщиков) работало в 1987–1992 годах, Национальное градостроительное общество (НГО) создано в 1997 году» [Жеблиенок, 2016: 77]. В постсоветский период термин «урбанистика» стал маркировать этап смены ценностных установок, ориентацию на оценку качественных характеристик городской среды (в отличие от ориентации на экономические показатели), оценку субъективных параметров восприятия городской среды, процедур, направленных на обеспечение открытости градостроительного процесса для разных групп.

В ходе интервью информантам предлагалось определить различия между урбанистикой и градостроительством. Результаты сравнения представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Характеристики градостроительства и урбанистики глазами экспертов

Градостроительство	Урбанистика
«Хирургия» (стратегическая функция)	«Фитотерапия» (превентивная функция)
Профессиональная деятельность	Публичная деятельность
Понятие, которое зарождалось в определенном историческом, институциональном контексте	Понятие, которое трансформировалось
Широкий термин, включает множество видов деятельности	Широкий термин, включает множество видов деятельности, а также — самоидентификация, язык, на котором говорят специалисты разных областей
Термин, релевантный для российского институционального контекста	Импортируемый термин и идеи

Окончание табл. 1

Градостроительство	Урбанистика
Множество видов деятельности, причем в российской практике набор этих видов деятельности шире, чем в зарубежных странах	Исследовательская, теоретическая деятельность
Вид деятельности, связанный с работой с пространством	Деятельность, связанная с проектированием города с опорой на исследование
Сфера деятельности, связанная с обслуживанием сферы строительства	Самоидентификация, язык, на котором говорят специалисты разных областей
	Подчеркивает взаимосвязь права, экономики и города
Синонимы	Синонимы

Исходя из этого, можно выделить следующие признаки отличий урбанистики от градостроительства в представлениях профессионалов в ГД: урбанистика связана с публичной деятельностью, основывается на исследовательских практиках, предлагает общий язык, на котором могут разговаривать профессионалы из различных дисциплинарных областей. Она также основывается на импортируемых идеях, перенимаемых практиках, которые циркулируют в разных странах в связи с глобальными трансформациями и изменениями рынка профессиональных услуг. Урбанистика связывает правовые, экономические и пространственные аспекты в ходе планирования, что позволяет предотвращать появление конфликтов и рассчитывать эффективность градостроительных проектов для различных социальных групп.

Маркетизация градостроительной деятельности

Важным дискурсом, связанным с появлением урбанистики и выявленным в ходе анализа интервью, является маркетизация ГД. Работа градостроителя описывается как «услуга», которая предоставляется клиентам:

«Не хотелось бы возвеличивать значимость профессии градостроителя, скажем так. Это так же, как и архитектор, сфера услуг... Потому что это в рыночной экономике, это в большей степени работа, связанная с обеспечением возможностей, чем с единоличным проектированием чего бы то ни было... (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

Информанты отмечают свое переосмысление деятельности в сфере градостроительства в процессе работы и важную роль социальных факторов, которые оказывают влияние на градостроительные проекты. Например, негативные оценки проектов жилья эконом-класса могли смягчиться, когда информант понимал, что этот формат в текущих социально-экономических условиях помогает сделать жилье доступнее:

«...А вот как быть с молодой семьей, которая за миллион может съехать от родителей?.. Они могут себе позволить купить своей семье отдельное жилье, что потенциально приведет к тому, что эта семья не распадется в какой-нибудь краткосрочной перспективе... Это заставило меня тогда очень сильно задуматься над тем, а действительно ли это так плохо, как градостроители привыкли об этом кричать и обсуждать. И здесь просто нельзя дать оценку» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

Помимо социальных аспектов, профессионалы сталкиваются с новыми задачами, нуждами и запросами рынка. Представители организации X в Санкт-Петербурге описывают, каким образом они основали свою компанию, отделившись от государственной. Компания стала реализовывать консалтинговые услуги по проектам городского развития, не входящим в систему госрегулирования, однако пользующимся спросом на местном уровне:

«Стратегии [городского развития] на тот момент, конечно, были интересней, потому что они тоже как бы формировались как рынок, и тоже было что-то новое, там можно было какие-то вещи попробовать интересно делать. А в Генпланах постепенно это сходило на нет. А во-вторых, денег не хватало» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004 года).

В данной цитате описывается появление новых задач, связанных со стратегиями развития городов, что открывает пространство возможностей для развития новых проектов в рамках ГД.

Преподаватель градостроительства описывает процесс маркетизации, отмечая разную направленность деятельности градостроительства и урбанистики, что также соотносится с различными культурными контекстами, в которых развивались эти понятия:

«За это время сформировался рынок урбанистики. Я бы не сказала, что урбанистика подвинула градостроителей, я бы сказала, что градостроительство сдавало свои позиции довольно сильно. Просело. И оно продолжает проседать. И это вот одна из центральных вещей... потому что градостроительство и урбанистика — это разные вещи. Они очень близкие, где-то они чуть-чуть стыкуются, но это разные вещи, и они должны остаться разными. В этом правильная культура» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2002 года).

Таким образом, маркетизация является одной из ключевых трансформаций в сфере ГД. Деятельность градостроителей в изучаемый период ориентируется на нужды рынка, появляются новые заказчики городских проектов. В интервью подчеркивается важность институциональных условий для такой трансформации, формирование рынка и новых профессионалов, которые берут на себя выполнение новых задач, в том числе связанных со стратегиями городского развития, которые появляются в сфере ГД.

Индивидуалистический дискурс в градостроительной деятельности

Индивидуалистический дискурс в ГД означает, что при схожих проблемах в двух разных городах, районах или территориях будут предложены разные решения в зависимости от их индивидуальных особенностей. При этом выбор необходимого в каждом случае решения зависит от субъективного взгляда урбаниста, его искусности в применении методов, которые он приобрел с опытом. Поэтому методы урбанистики невозможно полностью стандартизировать. Отсутствие унифицированных норм порождает разные интерпретации урбанистического знания:

«Мы в Петербурге под урбанистикой понимаем совершенно иное, чем в Красноярске и Москве в настоящую минуту... Консолидированного понимания этого нет» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 1995 года).

Отмечается, что урбанистика может меняться в зависимости от контекста, в котором этот концепт используется. В этом интервью акцентируется внимание на множественном характере урбанистики в зависимости от исторического периода и территориального контекста. В целом это связано с возможностью обсуждения локальных проблем и предложения новых идей и подходов к их решению. Этот подход также предполагает учет локальных особенностей территории и индивидуальных характеристик — в отличие от шаблонных и стандартных практик. При этом критикуется избыточное внимание к эстетике без смыслового компонента:

«Изначально урбанистика — это... то есть более-менее в сообществе признано, что у нас как бы основы российской урбанистики заложил Глазычев. У него даже книжка так называется. Он был настоящий урбанист. А потом как раз, когда на стыке где-то десятых годов, когда начали говорить про эту урбанистику, эту тему очень активно захватили люди, которые не про это, которые про скорее городское благоустройство... То есть про красоту без понимания, почему» (экономист в области градостроительства, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004 года).

Еще одним аспектом индивидуалистического дискурса, который развивается в сфере ГД, становится плюрализм мнений среди профессионалов о будущем городском развитии:

«У планировщиков есть определенная идеальная модель, у каждого своя, о том, как должна развиваться территория, и он эту модель старается транслировать. Ну, транслировать ее через проекты или законодательство, и на самом деле основной конфликт в профессиональной сфере — это конфликт между этими разными моделями» (градостроитель в сфере управления и проектного менеджмента, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004).

Эти модели зависят не только от профессиональных групп, но и от устоявшихся практик, распространенных в конкретных городах или организациях. Соответственно, при проектировании территории большое значение будет иметь выбор профессионала, который реализует проект развития.

«Мне кажется, она даже есть в каждом городе своя — устоявшаяся практика определенная, которую согласует главный архитектор. У него есть свое представление о прекрасном. Или в каком-то проектном институте есть определенные подходы, и вот они их транслируют» (градостроитель в сфере управления и проектного менеджмента, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004).

Модели городского развития также могут базироваться на различных принципах: вертикальной иерархии и поддержания статуса профессионалов или горизонтальной децентрализации знаний и экспертизы. Различия в моделях будущего разнятся и стимулируют профессиональную дискуссию, поиск новых способов выражения этих идей, в том числе через новые проекты городских территорий и дизайнерские решения.

Терапевтический дискурс в градостроительной деятельности

Еще один дискурс, который характеризует урбанистику в рассматриваемый период, связан с глобальной тенденцией терапевтического поворота. В одном из экспертных интервью предлагается медицинская метафора для характеристики тех функций, которые берут на себя урбанисты в новых условиях:

«Быть градостроителем — это хирургия. Это история про хирургию. А урбанистика... это фитотерапия. Речи нет о том, что фитотерапия — плохо... Это очень хорошо, это полезно. Просто, когда у тебя сломана нога, ты идешь к хирургу. Фитотерапия не поможет. Вот и все» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2002 года).

Фитотерапия предлагает поддерживающее лечение травами, направленное на общее оздоровление и укрепление иммунитета. Такое сравнение позволяет выделить две принципиально разные задачи в ГД: стратегическую и терапевтическую, направленную на укрепление и развитие. Стоит отметить, что терапевтический поворот — феномен, характерный для разных общественных процессов, который связывается с глобальными процессами развития капитализма, и в частности, с определенным набором методов и способов решения городских проблем, взаимодействия с жителями.

Город рассматривается как сложный инструмент развития общества, а новый терапевтический дискурс маркирует запрос на поддерживающие практики в ходе происходящих трансформаций. В одном из интервью город рассматривается как инструмент, с помощью которого закладываются новые эффекты для общественного развития:

«Я тогда уж дополню, раз уж так, то получается, что город — это инструмент создания развития общества, и им как инструментом нужно овладеть и знать, на какие кнопки нажимать, извините, за какую пимпочку дергануть, в какой момент для того, чтобы получить какой-то желаемый эффект, а не какой-то ужасный, который тоже в этом сложном инструменте происходит. Постоянно где-то масло протекает, заржавеет где-то. У меня к урбанистике такое отношение...» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 1995 года).

В рамках терапевтического и индивидуалистического дискурсов увеличивается запрос на сбор и анализ данных о процессах развития городских территорий. Происходит развитие аналитических методов в ГД, возрастает необходимость оценки будущих рисков, эффективности проекта и экономических показателей, прогнозирования и оценки градостроительных проектов. Это включает в себя развитие как новых подходов к оценке, так и новых методик, которые требуют знаний в различных дисциплинарных областях и подходов, основанных на аналитической работе с данными:

«Слово “урбанистика” я услышал в 2008 году, когда долго пытался объяснить аналитические методы в архитектуре на летней программе “Стрелки”. Мне тогда сказали, в основном иностранные участники, что вот это называется урбанистикой...» (Градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 1995 года).

Коммуникативный поворот

Еще одна особенность трансформации профессиональной деятельности градостроителей в период 2008–2021 годов, тесно связанная с терапевтическим дискурсом, — коммуникативная составляющая ГД. Помимо задач, направленных на планирование территорий, профессионалы сталкиваются с задачами по медиации интересов различных городских публик. Цитата ниже иллюстрирует возрастающее значение коммуникации в градостроительном процессе:

«Городской планировщик — это контактер прежде всего. Он на самом деле не отвечает за решения, за решения отвечает заказчик. Он должен представить спектр возможных решений и объяснить, чем они чреваты для каждого из субъектов. И вот эта история, она очень тяжело входила, но сейчас... люди адаптировались, профессионалы. Но десять лет назад у нас был подход, что я градостроитель, я нарисовал город, какие людишки, что они знают в городе?» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 1995 года).

В рамках этой трансформации также происходит рост и развитие проектов, связанных с соучаствующим проектированием, партисипаторными методами

и другими подходами, направленными на взаимодействие с жителями территорий, местным бизнесом и др. Практики, связанные с идеей «соучаствующего проектирования», были включены в градостроительный процесс, имея в нем рекомендательный характер, в рамках «Стандарта вовлечения горожан в решение вопросов городской среды»¹. Происходит переход от монополизации знаний к экспертным формам со-производства, включающим участие и вовлечение граждан и бизнес-сообществ в процессы проектирования. Несмотря на то, что конечное решение принимает профессионал, тем не менее количество данных, которые используются при принятии решения, увеличивается. Помимо этого, монополия на профессиональную деятельность смещается за счет прихода новых акторов. Так, для описания современного состояния профессии приводятся новые ценности, которые начинают транслировать профессионалы:

«Роль градостроителя состоит в том, чтобы показывать ценности... чтобы конкретные жители конкретного города... жили лучше» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

Появляются новые акторы, связанные с коммуникацией в рамках ГД (блогеры, активисты, медиаторы), которые предлагают свои способы решения городских проблем. В то же время эти способы могут рассматриваться отдельными участниками градостроительного процесса как неэффективные. Однако они стимулируют дискуссию и обсуждение городских проблем:

«Урбанисты — о них сложилось представление, что это люди, которые громко говорят о городских проблемах. И я бы сказала, что именно это не плохо и не хорошо, просто слово “урбанист” у нас ассоциируется с человеком, который много выступает публично» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

В другом интервью также отмечается роль урбанистов в обсуждении городских проблем в публичном пространстве:

«Мне кажется, урбанисты, градостроители — это синонимично. Есть урбанисты-общественники, которые задают правильные вопросы, которые выросли из какой-то другой среды. Физики-ядерщики тоже могут быть урбанистами, которые прочитали книжку Джейн Джекобс и поняли: что-то не так, надо на что-то влиять. Мне кажется, представители городского общества должны быть знакомы с урбанистической принципиально. Такой больше локальный масштаб. Наверно, в каком-то виде эти книжки должны воспитывать урбанистов, какой-то урбанистический взгляд на развитие города, формировать какой-то запрос на среду вокруг» (транспортный инженер, Санкт-Петербург, в сфере с 2010 года).

¹ Стандарт вовлечения горожан в решение вопросов городской среды // 100 городских лидеров. 2020. URL: <https://100gorodov.ru/standart> (дата обращения: 05.03.2022).

Таким образом изучаемый период характеризуется, во-первых, расширением коммуникации между различными акторами, выходящими за пределы ГД. Во-вторых, появлением новой функции медиаторов, которые требуются в градостроительных проектах.

Заключение

Феномен урбанистики определяется нами через новые идеи и дискурсы в контексте трансформации градостроительного дискурса. Новые идеи и дискурсы анализируются как продукты определенного исторического, политического и культурного контекста на локальном и глобальном уровне, связанного обменом идеями между профессионалами в области городского планирования. Для них характерна направленность на обсуждение будущего городского развития, мировых тенденций в области градостроительства, междисциплинарных подходов, использование аналитических инструментов для учета мнения жителей в градостроительном процессе. Профессиональное сообщество градостроителей и практиков имеет различные взгляды на урбанистику, а пандемия COVID-19 повлияла на дискуссию о будущем городской жизни и необходимости новых концепций территориального планирования и городского развития.

Трансформация ГД включает коммодификацию знаний профессионалов, коммуникативный поворот, появление новых задач, связанных с тематикой устойчивого развития. Ключевые аспекты трансформации ГД, выявленные в ходе экспертных интервью, связаны с маркетизацией ГД, формированием индивидуалистического и терапевтического дискурсов, коммуникативным поворотом. Для решения новых задач, возникающих вследствие глобальных и институциональных изменений, необходимы новые способы их обсуждения и исследования. Урбанистика как социальный феномен, развивающийся в период с 2008 по 2021 год, рассматривается как ответ на новые общественные запросы к градостроительной деятельности.

Литература

- Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. EDN: [QNNCTB](#)
- Жеблиенок Н. Н. Градостроительство как профессия и направление обучения в России. СПб.: СПбГАСУ, 2016.
- Кочуров Б. И., Ивашкина И. В. Города после пандемии COVID-19 // Мировая экологическая повестка и Россия. М: МГУ, 2020. С. 223–226. EDN: [DJTVKK](#)
- Цумарова Е. Ю. Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 4. С. 221–248. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.9> EDN: [UWXASB](#)
- Bogner A., Menz W. The Theory-Generating Expert Interview: Epistemological Interest, Forms of Knowledge, Interaction // Interviewing Experts. London: Palgrave. 2009. P. 43–80. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230244276_3

Bordass B., Leaman A. A New Professionalism: Remedy or Fantasy? // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2012.750572>

Bresnen M. Advancing a “New Professionalism”: Professionalization, Practice and Institutionalization // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 6. P. 735–741. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.843269>

Collins H. M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. № 2. P. 235–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312702032002003>

Connaughton J., Meikle J. The Changing Nature of UK Construction Professional Service Firms // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.742366>

Duffy F., Rabeneck A. Professionalism and Architects in the 21st Century // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.724541>

Healey P. Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies. London: Bloomsbury Publishing, 2020.

Healey P. Planning Through Debate: The Communicative Turn in Planning Theory // The Town Planning Review. 1992. Vol. 63. № 2. P. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.3828/tpr.63.2.422x602303814821>

Innes J. E. Planning Theory’s Emerging Paradigm: Communicative Action and Interactive Practice // Journal of Planning Education and Research. 1995. Vol. 14. № 3. P. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.1177/0739456X9501400307>

Larson M. S. Behind the Postmodern Facade: Architectural Change in Late Twentieth-Century America. Berkeley: University of California Press, 1993.

Schmidt V. A. Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change Through Discursive Institutionalism as the Fourth “New Institutionalism” // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. № 1. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577390999021X>

Sehested K. Urban Planners as Network Managers and Metagovernors // Planning Theory & Practice. 2009. Vol. 10. № 2. P. 245–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649350902884516>

The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism / Ed. by K. Stanilov. Dordrecht: Springer Press, 2007.

Twinn C. Professionalism, Sustainability and the Public Interest: What Next? // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.743306>

Zupan D., Gunko M. The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities // Urban Studies and Practices. 2019. Vol. 4. № 3. P. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22> EDN: MDMMEQ

Сведения об авторе:

Москалева Светлана Михайловна — младший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** smmoskaleva@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 1073470; **ORCID ID:** 0000-0003-1508-5599

Статья поступила в редакцию: 29.05.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.4; 5.4.7

Urban studies and practices in the context of Social Transformation of Urban Planning in Russia (2008–2021 years)

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.2

Svetlana M. Moskaleva Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: smmoskaleva@gmail.com

The field of urban planning in Russia (hereinafter — UP) is of particular interest for sociological analysis. By M. S. Larson, results of the activity of architects and town planners are not only material features, but also cultural, behavioral patterns which are inscribed in urban planning projects. In the last decade, professionals, city managers, and developers have faced new challenges related to the quality of the urban environment. The request for new approaches in the field of renovation of urban spaces was formulated both by professionals, representatives of civil, expert communities and grassroots groups, and by government authorities (within the framework of the federal project “Formation of a Comfortable Urban Environment”).

The focus of this article is the analysis of “urbanistika” (=urban studies and practices) in Russia in 2008–2021, based on materials from expert interviews with professionals with experience in the field of urban planning. Key aspects of the transformation of UP that were identified during the analysis include: 1) marketization of UP, 2) the formation of an individualistic discourse, 3) the formation of a therapeutic discourse, 4) a communicative turn in UP, which is shown by the example of the emergence of new methods (participatory design and others methods aimed at taking into account the opinions of residents during the urban planning process), as well as the emergence of new actors (bloggers and urbanists) in urban discussions and projects.

Keywords: urban studies; town planning; constructivist institutionalism; discourse analysis; sociology of professions

References

- Bogner A., Menz W. (2009) The Theory-Generating Expert Interview: Epistemological Interest, Forms of Knowledge, Interaction. In: *Interviewing Experts*. London: Palgrave. P. 43–80. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230244276_3
- Bordass B., Leaman A. (2013) A New Professionalism: Remedy or Fantasy?. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2012.750572>
- Bresnen M. (2013) Advancing a “New Professionalism”: Professionalization, Practice and Institutionalization. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 6. P. 735–741. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.843269>
- Collins H. M., Evans R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*. Vol. 32. No. 2. P. 235–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312702032002003>
- Connaughton J., Meikle J. (2013) The Changing Nature of UK Construction Professional Service Firms. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.742366>
- Duffy F., Rabeneck A. (2013) Professionalism and Architects in the 21st Century. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.724541>
- Glazychev V. (2008) *Urbanistika* [Urbanism]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Healey P. (2020) *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. London: Bloomsbury Publishing.

Healey P. (1992) Planning Through Debate: The Communicative Turn in Planning Theory. *The Town Planning Review*. Vol. 63. No. 2. P. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.3828/tpr.63.2.422x602303814821>

Innes J.E. (1995) Planning Theory's Emerging Paradigm: Communicative Action and Interactive Practice. *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 14. No. 3. P. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.1177/0739456X9501400307>

Kochurov B.I., Ivashkina I.V. (2020) Goroda posle pandemii COVID-19 [Cities After the COVID-19 Pandemic]. *Mirovaya ekologicheskaya povestka i Rossiya* [Global Environmental Agenda and Russia]. Moscow: MGU. P. 223–226. (In Russ.)

Larson M.S. (1993) *Behind the Postmodern Facade: Architectural Change in Late Twentieth-Century America*. Berkeley: University of California Press.

Schmidt V.A. (2010) Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change Through Discursive Institutionalism as the Fourth “New Institutionalism”. *European Political Science Review*. Vol. 2. No. 1. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577390999021X>

Sehested K. (2009) Urban Planners as Network Managers and Metagovernors. *Planning Theory & Practice*. Vol. 10. No. 2. P. 245–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649350902884516>

Stanilov K. (ed.) (2007) *The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. Dordrecht: Springer Press.

Tsumarova E. Yu. (2021) Paradoks obshchestvennogo uchastiya v programmah blagoustrojstva: вовлеченност растет, доверие снижається [The Paradox of Public Participation in “Comfortable City Environment” Programs: Engagement Increased, Trust Declined]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 24. No. 4. P. 221–248. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.9>

Twinn C. (2013) Professionalism, Sustainability and the Public Interest: What Next?. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.743306>

Zheblienok N.N. *Gradostroitelstvo kak professiya i napravlenie obucheniya v Rossii*. [Urban Planning as a Profession and a Field of Study in Russia]. SPb.: SPbGASU, 2016. (In Russ.)

Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities. *Urban Studies and Practices*. Vol. 4. No. 3. P. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22>

Author Bio

Svetlana M. Moskaleva — Junior Researcher, Department on Social Urbanistics, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** smmoskaleva@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1073470; **ORCID ID:** 0000-0003-1508-5599

Received: 29.05.2023

Accepted: 10.09.2023